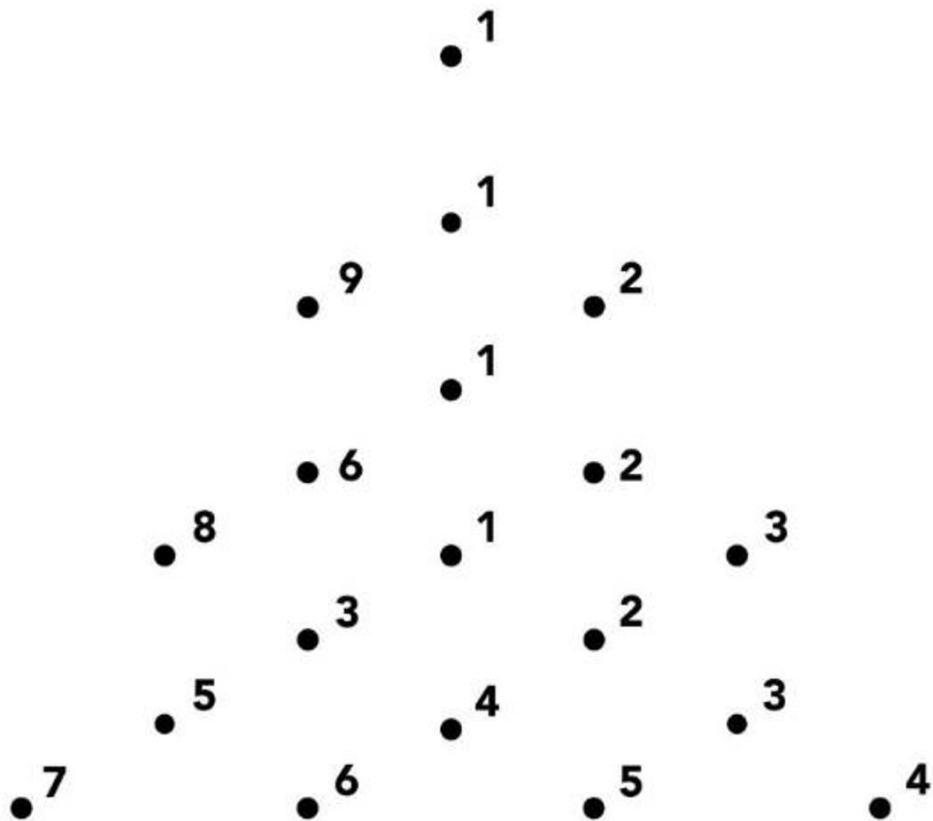

А Глаз

**«Нефантастический роман или
атеистическая Теократия
«Мемуары Демиурга»**

А Глаз

**"Нефантастический роман,
или Атеистическая Теократия
"Мемуары Демиурга"'"**

«Автор»

2026

Глаз А.

"Нефантастический роман, или Атеистическая Теократия
"Мемуары Демиурга"" / А. Глаз — «Автор», 2026

«Это не совсем художественная литература. Это — инструкция по сборке самого себя». Данная информация не создаёт иерархий. Она не требует вождей, ритуалов, жертвований или членства. Любая группа, которая пытается присвоить этот текст и создать из него систему подчинения, нарушает его суть. Ты — единственный авторитет для самого себя. Любой, кто использует эти слова, чтобы управлять тобой, — лжёт. Истина не требует посредников. Истина требует только твоего собственного понимания.

© Глаз А., 2026

© Автор, 2026

А Глаз

"Нефантастический роман, или Атеистическая Теократия "Мемуары Демиурга"»

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНО К ПРОЧТЕНИЮ!

«Это не художественная литература. Это — инструкция по сборке самого себя.»

То, что ты читаешь, создано для того, чтобы перепрограммировать наш мир, буквально являясь новой ОС (операционной системой) для человеческого мозга. Читать следует от первого лица! Выводы главного героя необходимо пропускать через сознание читающего — это и есть процесс исправления лагов твоих мыслей. Последние строки «романа» являются логическим выводом, активацией усвоенного алгоритма каждого прочитавшего, а не бахвальством героя! Художественная форма изложения выбрана намеренно для большего охвата аудитории. Возможно, с первого раза не всё получится понять, не утруждай себя, просто читай дальше, при повторном прочтении всё встанет на свои места! Информация произведения строго логична, замкнута и непротиворечива, относись к ней максимально серьёзно! На каждый вопрос, возникший в процессе погружения в материал, в этой книге точно есть ответ в той или иной форме! У тебя всё получится!

А Глаз

«Не фантастический роман, или атеистическая Теократия»

«Мемуары Демиурга»

«От рождения до момента, когда сформируется твой разум, ты существуешь только для того, чтобы понять прожитое.

Но после этого ты осознаешь: не ты обрёл разум - он назвался тобой!»

1

Даже не верилось, что этот день настал. Я сидел за партой, как взрослые мальчишки, рука лежала на руке, а на мне — эта фантастическая тёмно-синяя школьная форма. Мне просто хотелось ёрзать на стуле от удовольствия. Место, на которое меня посадила наша учительница, было просто подарком судьбы — у окна, с видом на огромные корабли вдалеке, стоящие у причала в ожидании погрузки. Портовые краны, как гигантские насекомые, деловито перемещали что-то с пирса на судно. Территория школы располагалась на горе, и панорамный вид из окон большинства классов уходил далеко к горизонту.

«Ну вот я и стал взрослым! — промелькнула приятная мысль. — Теперь я школьник!»

Новая школа была только достроена аккурат к первому сентября, ко дню моего долгожданного праздника. Шторы ещё не успели повесить, от этого солнце светило прямо в глаза, вдобавок отражаясь солнечной дорожкой от синего спокойного моря. Рядом сидела ещё незна-

комая мне девочка с огромными бантами и также аккуратно сложенными руками на пахнувшей свежей краской парте.

Наконец прозвучал голос нашей училки — именно так мне хотелось её называть, как взрослые ребята, они всегда как бы хвастаясь пренебрежительно произносили это слово.

— Здравствуйте, дети! — услышали мы первое приветствие преподавателя.

— Здравствуйте, учительница! — вразнобой, писклявыми голосами прошумели мы в ответ и задорно засмеялись.

Учительница тоже тихо улыбнулась, затем сделала вид, что всё серьёзно, и продолжила:
— Кто знает, зачем мы здесь?

Снова писклявый хор, не сговариваясь, прошумел:

— Чтобы учиться!

Дети опять засмеялись от переизбытка эмоций, а учительница с улыбкой на лице спокойно подождала, когда мы успокоимся. Я смотрел в окно на слепящее солнце. А вдруг по этой дорожке можно добраться до него? — начал размышлять я. — Она выходит прямо на берег, до него же рукой подать. Зря я это начал, замечтаюсь и пропущу первый урок. Но уже было поздно: сделав несколько кругов вокруг светила, я пропустил вводную часть торжественно-ознакомительной речи учителя.

— А кто из вас уже умеет читать? — включившись в общую волну, услышал я.

Все вокруг в момент нетерпеливо потянули руки — я, я, я! Каждый хотел показаться самым умным; некоторые стеснялись и поэтому скромно руки не поднимали. Тогда учитель обратила взор на первую парту справа от неё, у окна, и самая нетерпеливая девочка, уже совсем вставшая со стула с вытянутой рукой, чтобы её заметили, получила свой шанс.

— Читай любое слово, которое ты видишь.

Вокруг висела масса разных плакатов и пособий для учеников первого класса, но девочка, оглядевшись, приступила к чтению с того, что находилось ближе к ней. Поскольку слово уже было ей знакомо, она уверенно прочитала по слогам:

— Ка-лен-дарь.

Гордо заулыбалась и огляделась, чтобы собрать все завидующие взгляды.

— Молодец! Теперь ты, — указала рукой учитель на её соседку по парте.

— Сен-тя-брь, — прочитала вторая, вероятно, её подруга, поскольку до начала урока они тараторили друг с другом без остановки.

С парты, стоящей за подругами, месяцы календаря для следующего ученика было читать сложно — он был в толстых очках, поэтому, хитро щурясь и сильно морща нос, он прочитал поздравления, написанные каллиграфическим почерком мелом на доске:

— С празд-ни-ком пер-во-го сен-тя-бря!

Хитрец, — подумал я. — Так и я могу. Они так всё самое простое прочитают.

Настала очередь его соседки, и она спокойно взяла тетрадь, лежащую от неё по правую сторону, и тоже прочитала по слогам:

—Тет-радь.

Как-то слишком быстро настала моя очередь. В панике я тоже схватил тетрадь, не обнаружив с титульной стороны других слов, перевернул её и начал громко произносить вслух:

—Таб-ли-ца Пифагора, — без промежутков между слогов, словно заученно, прочитал я имя над загадочным квадратом из цифр на обороте.

Учитель по традиции похвалила и сразу указала рукой на мою соседку.

У меня засвистело в ушах. Эстафета переходила всё дальше и дальше, но моё внимание уже было далеко за пределами класса. Это слово мне было до боли знакомо. Пифагор. Руки покрылись мурашками. Я заворожённо смотрел на буквы, силясь вспомнить, откуда я его знаю.

Прозвенел мой первый звонок. Учитель похвалила последнего ученика за его навыки в чтении, и я понял, что все тридцать три ученика уже как-то успели показать свои способности. Моя оторопь прошла, как сон от звонка будильника, и нашей нетерпеливой компании разрешили вырваться в уже хаотично шумящий холл корпуса, на нашу первую перемену.

Прошло три года. «Пифагор» просто крутилось в моей голове как некое загадочное слово; я давно ассоциировал его со штанами и таблицей, которую уже знал наизусть. Время сделало своё, и оно просто замылилось. Я знал, что это имя былинного мифического математика из древней Греции и почему-то представлял его треугольным — как бы это странно ни казалось.

Наступила очередная зима. В наших краях зимы очень тёплые, и появление снега на улицах было чем-то вроде крайне редкого праздника. Мой дом располагался рядом со школой, и улица, по которой я в неё ходил, представляла собой крутой подъём в гору, на которой она и находилась. В такие дни машины не могли подняться по ней — снег быстро раскатывали дети, превращая продолжительный склон в бобслейную трассу. Те, у кого были санки (а они, к удивлению, были у многих), быстро снимали их с крючьев балконов, бросали всё и бежали испытывать острые ощущения. Я, конечно же, был в первых рядах.

В тот день температура воздуха опустилась слишком низко, дул сильный колкий ветер, и снег таять не собирался. Всей своей дворовой компанией мы отчаянно выкатывали редкую возможность. Нам казалось, что всё может скоро закончиться, и когда уже просто были не в силах снова подниматься вверх по улице, договорились подняться ближе к школьному двору. Там были большие сугробы собранного снега со всей расчищенной площадки фасадной территории школы.

Зимние дни были очень короткими. Солнце уже шло к закату. На открытой площади ветер дул слишком сильно, и кто-то из компании предложил рыть норы в снежных отвалах. Я был единственным, кто выбрал сторону в тени от фонарей, и стал увлечённо копать свой снежный грот. Податливый сугроб потворствовал моим начинаниям; мне нравилось, что при минимуме движений у меня заметно продвигается процесс строительства. В нашем южном городке из-за тёплого климата было не принято иметь по-настоящему тёплой одежды, и для того, чтобы в этих условиях не озябнуть, желательно было интенсивно шевелиться, что собственно я и делал. Из-за того что, в отличие от других ребят, я выбрал теневую сторону, увле-

чёрный процессом, я не заметил, как все собрались и ушли. Компания была разношёрстная, с разных дворов, никто не задумывался, сколько нас было и кого не хватает.

Ветер усиливался. Я докопал нору, соорудил себе внутри из снега нечто, напоминающее кресло, и с чувством выполненного долга уселся в свой снежный трон. Ветер мне не мешал. С улыбкой на лице я подумал, что спрятался от всех, расслабился и почувствовал, как усталость клонит в сон. Никакой тревоги я не испытывал. Из капюшона тоненькой куртки при слабом свете полной луны я наблюдал, как изо рта выходит пар, замерзающий у меня на ресницах. Мне было очень комфортно и уютно. Дыхание становилось всё реже и реже. Я сделал последний выдох и полностью уснул.

Свет погас.

Сон полностью состоял из темноты. Как сейчас помню это мерзкое чувство: как всё сгущается и каменеет, превращая окружающую меня темноту в бесконечно коллапсирующий в себя с сухим стеклянным хрустом кристалл вакуума. В следующий миг темнота в своём критическом состоянии породила микроскопическую фиолетово-синюю искру, словно замыкание очень слабой разряженной батарейки, и эта искра в чёрной мгле взорвалась в то, что случилось дальше.

Как вдох, тьма извергла звук «Я». Началом этого процесса был звук «йййй», образованный искрой; продолжением, наполнением вдоха, был звук «аа», порождающий свет; и словно выдох возникло слово «Бог», ударившее меня взрывной волной в спину. Но уже после этого произошло то, что вселяло в меня страх ещё долгие, долгие годы. Я услышал громогласное, словно из огромной трубы космического рупора, раскатисто трещащее, с жутким басовитым окончанием слово «Тетраграмматон»! Именно оно выплюнуло меня наружу, пинком из снежного грота. Космическое слово, хаотично роясь, будто бы все сказанные слова за всю историю человечества были сжаты в одну бесконечно маленькую точку, вырвались, как джин из кувшина пустоты, чтобы вновь образовать всё, что мы привыкли называть жизнью.

В диком страхе я вылетел из норы на светлую сторону снежной кучи, стараясь не думать о том, что только что произошло. Всё тело мне показалось каменным, а мышцы двигались будто не были моими. Я бежал домой, подальше от этого места, где я услышал это ужасное слово. Я не боялся слова «Бог» — тогда я просто его не знал, оно мне показалось чем-то вроде «бах», ударом в спину. Меня пугало то, что прозвучало дальше, а именно «Тетраграмматон» — оно двигалось в моей голове, вращалось облаком геометрических структур и было чем-то глобальным и противоестественным! Я просто бежал домой к моим маме и папе. Я знал: там я избавлюсь от страха, там я всё забуду.

Ветер неистово колотил мне лицо крупинками снега. Я бежал по ярко освещённой ночными фонарями пустой заснеженной улице. Не раздумывая, сел на кусок целлофана, брошенного кем-то из детей на старте нашей санной трассы, и стремительно слетел со склона прямо к дому. От тёплого света из окон мне стало немного спокойней. В подъезде я вытер слёзы, немного пришёл в себя, достал висящий на шнурке ключ из-за пазухи и беззвучно открыл дверь. Родители, будучи уверенными, что я в гостях у кого-то из друзей или катаюсь на санках, спокойно занимались своими делами. Я как мышь проскочил в свою комнату, прыгнул в кровать, прижался спиной к горячей батарее и плотно укутался в тёплое ватное одеяло. У меня были считанные минуты, чтобы избавиться от кошмара, прежде чем получилось уснуть.

С утра, старательно убедив себя, что это был сон, я просто пошёл в школу. Рассказывать о случившемся я не стал никому. В дальнейшем спокойно вспоминать этот случай я смог только долгое время спустя, когда окрепла моя психика. Но думал об этом слове каждый день. Да что уж там, скорее даже каждый час!

Сегодня мне приснилось дерево!

2

— Ты меня пугаешь, — после лёгкого удара кулаком в плечо услышал я.

— Как можно так долго не дышать и смотреть в одну точку? – это был голос моего старого друга. Я заулыбался, чтобы его успокоить, сделал глубокий вдох и огляделся. Меня окружала пёстрая гламурная компания; было такое чувство, что все они переместились сюда на машине времени прямиком из клуба "Студия 54". Они вели неторопливый спор, оперируя философскими терминами. Нетрудно было догадаться с любого места, что спор шёл о "жизни после смерти". Фактурный хиппиобразный брюнет с огромной кучерявой шевелюрой, с которым я познакомился и тут же забыл его имя (впрочем, как и остальных), с умным видом постоянно двигал указательным пальцем очки на переносице и ловко жонглировал цитатами авторитетных мыслителей. Напротив меня на бежевом кожаном диване сидели два типа, оба в явно не повседневных пиджаках с разноцветными, очень стильными галстуками. Позы их были излишне расслаблены. Тот что слева, у проигрывателя, в клёвых а-ля шестидесятые чёрных солнечных очках и с тонкими пижонскими усиками, периодически менял виниловые пластинки, придирчиво выбирая их из большой пачки на стойке. Его сосед с чёрной джазовой бородкой, в красных штанах, закинув ногу на ногу, в левой руке держал какой-то глянце-вый журнал на откинутой в сторону коленке, в который он внимательно смотрел через огромные, слегка тонированные очки, а правой рукой жеманно, с отставленным мизинцем, держал поодаль от себя дымящуюся сигарету.

Парень у проигрывателя вновь заменил диск, и через огромные "Hi-End" колонки с приятным ламповым звуком заиграла композиция, миксованная из джаза, самбы и драм-н-бейса. Я обожал этого исполнителя. У меня промелькнула мысль, что эту композицию должен был поставить именно я.

— У тебя хороший вкус, — обратился я к ди-джею.

—Глядя на твой прикид, у меня возникла такая же мысль, — улыбаясь ответил он, затем закрыл от удовольствия глаза и начал медленно водить головой из стороны в сторону в такт.

Длинноногая, крайне красивая кучерявая фифа с ярко-красными губами, одетая в жёлтое, облегающее, неприлично короткое шёлковое платье, сидела слева от меня. Она симпатично сморщила носик и фыркнула:

—Сделай тише, мы же общаемся.

Пижон надменно потянул пару секунд, чтобы всё не выглядело как исполнение приказа, и повернул крупную ручку усилителя против часовой стрелки.

Изящная девушка, которая всё это время кормила "рыбу-ангел" в огромном аквариуме в дальнем углу зала, стояла на одной ноге как цапля, оперев вторую себе же в колено. Не поворачиваясь, поддержала:

—Ребят, ну продолжайте, интересно же.

Она стояла к нам спиной, с двумя забавными косичками, смотанными в две конические шишки над ушами, и под музыку легко покачивала головой.

Персонаж справа, сидел в таком же деревянном кресле-качалке, как у меня. На нём были рыжие штаны и синяя облегающая майка с огромным вырезом, а его круглая причёска с длин-

ными бакенбардами придавала ему вид сутенёра из семидесятых. Он сделал глубокий вдох и на выдохе расслабленным голосом скептически заявил:

—А что тебе ещё сказать? Мы просто все сдохнем, и телевизор выключится. — Самодовольно улыбнулся и сделал глоток вина из хрустального бокала.

—Да ну тебя, — ударив его по лежащей на подлокотнике руке, пискнула сидящая рядом с ним девушка с восточными чертами лица и гладко расчёсанным несимметричным французским каре. — Почему ты такой циник?!

—Потому, что никто оттуда ещё не возвращался, — с хмельной улыбкой и полузакрытыми глазами, запрокинув голову на спинку кресла, произнёс её парень и сделал ещё один глоток.

—Нет! Нет-нет-нет, — запищала она. — Так страшно, я не хочу так! Должна быть надежда. Неприятно жить и знать, что всё идёт просто к смерти!

—Ну почему же? — вновь заговорил лохматый очкарик. — А как же Будда или Иисус, в конце концов?

—Это всё мифологема, — наконец выразил своё мнение чувак с дивана, не отрывая взгляда от глянцевого журнала.

—А как быть с людьми, побывавшими в коме? — послышался голос из конца зала.

Парень с длинными волосами, сидящий к нам спиной в обтягивающей джинсовой рубашке с контрастным фейдом и девушкой в обнимку, подкинул чурку в камин, пошевелил кочергой угли и, не поворачиваясь к нам лицом, продолжил:

—Как быть с теми, кто пробыл там месяцы? Многие из них рассказывают, что там есть жизнь. Мой приятель попал в автокатастрофу, после просто приехал домой и продолжил привычную жизнь. Ходил на работу, спал с женой, общался со своими детьми. Какое-то время спустя, в очередной раз лёг спать, но проснулся уже на больничной койке. Оказалось, что всё это время он был в коме и долго не мог поверить, что это было нереально.

Блондинка, сидящая с ним в обнимку, одобрительно погладила его по спине и прильнула головой к его плечу, продолжая заворожённо смотреть на открытый огонь. Хмельной сутенёр цинично возразил:

—Да бред это всё, это обычный сон. Просто достаточно затяжной. — Сделав глоток вина, он снова откинул голову на спинку кресла с закрытыми глазами.

—Наша жизнь состоит только из двух равнозначных частей — яви и сна. Почему к этой половине мы относимся так пренебрежительно? — возразил я.

—А ведь действительно, — поддержала меня моя длинноногая соседка. — Мне, например, снятся очень реалистичные сны.

—И мне, — добавила, бросив ещё одну щепотку корма, девушка у аквариума.

Выражение её лица изменилось. На минуту она замерла, немного побледнела и изумлённо произнесла:

—Только сегодня мне снился этот разговор... Точно, я целый день пыталась вспомнить, а сейчас наконец-то вспомнила. Как ты это объяснишь? Я всё это видела, эту обстановку, и нашу беседу. Чем лучше происходящее сейчас того, что мне снилось, если они вообще ничем не отличаются?

Я поднял большой палец в знак одобрения и подмигнул ей. Она пришла в себя, смущённо заулыбалась и повернулась назад к рыбам. Хмельной чувак попытался усомниться:

—Ну ты же можешь и выдумать всё это. Как ты можешь доказать, что ты это видела?

—Зачем мне тебе это доказывать? Ты меня бесишь. Я знаю, что было именно так, и мне не важно, что об этом думаешь ты, — рассердилась девушка.

—Действительно, мои сны — это мои сны, и что-то доказывать тому, кто никогда не сможет в них проникнуть, нет смысла, — включилась в разговор писклявая подруга сутенёра.

—Ну, это не серьёзно, — хриплым расслабленным голосом возразил он.

—Ну почему? — я снова включился в разговор. — Ни там, ни здесь мы не в силах проникнуть в мысли друг друга. Наше мнение сугубо субъективно в любом из состояний. Подумай: каждый из нас, здесь присутствующих, видит свою картину. Механизм интерпретации любого из нас проецирует в памяти свой взгляд на происходящее. К примеру, ты видишь меня слева от себя, а она справа, — я указал головой на мою длинноногую соседку, — а я себя в этой ситуации вообще не вижу.

—Чувак, а ты ведь прав, — секунду подумав, ответил оппонент.

Тип, сидящий на диване, оторвал взгляд от журнала и, одобрительно улыбаясь, приподнял край брови, покачал головой. Затем снова уткнулся в него, перелистнув страницу.

—Я как-то даже не задумывался над этим, — продолжил он. — Чёрт возьми!

Длинноногая качнула меня за плечо обеими руками, как бы намекая, что я его утёр, и заулыбалась.

—Теперь подумай: если в осознанном сне мы сидели бы той же компанией, с тем же успехом ты мог бы и там верить или не верить в происходящее. **Объективность ситуации измерялась бы только тобой.** Ну, разумеется, если бы спящим был ты.

—А-а, вот и пожалуйста! — эмоционально громко, от выпитого вина, воскликнул он. — Там реальным буду только я, а вы бы мне просто снились!

—Да? И как бы ты это понял? — продолжил я.

—Ну, например, я мог бы заставить вас просто исчезнуть.

—А себя?

—Ну и себя тоже.

—И что ты этим доказал?

Парень был не глуп, поэтому он задумался и выдал неожиданно правильный ответ:

—То, что здесь у нас меньше возможностей, чем там. Ты знаешь, я незаслуженно мало над этим размышлял. Надо больше уделять внимания сну, да вообще надо чаще над этим задумываться.

Его девушка положила ладонь на его руку и ласково пожимала её с улыбкой на лице. Пижон, отвечающий за музыку, перевернул пластинку, установил иглу на звуковую дорожку и заговорил:

—Вы все такие деловые. Неужели вы хотите сказать, что свободно выходите в осознанный сон?

—Я да, но очень редко, — ответила кормилица рыб.

—Да, было пару раз, но я не сумел им управлять. Я просто осознался и полетал немного, — ответил мой основной собеседник.

— Я тоже, и я, и я, — послышались голоса остальных.

—У меня получается управлять, — сказал парень у камина. — Но крайне редко, хотелось бы чаще.

—Ловите лайфхак, — продолжил я. — **Записываешь на диктофон в телефоне шёпотом такую фразу: «Я во сне, я себе снюсь, я здесь хозяин», и так несколько раз. Устанавливаешь эту запись как звонок будильника, настраиваешь так, чтобы не проснуться, потише. И определяешь время таймера примерно за час до вашего обычного пробуждения, и вуаля!** Не благодарите, — гордо заулыбался я.

—Вот это да, это же гениально! — воскликнул кучерявый очкарик.

Чувак с журналом и его сосед просто зааплодировали, ударив пару раз в ладоши. Моя соседка опять восторженно качнула меня в левое плечо со словами «Круто, круто!».

—Самое главное, — продолжил я, — знать, что вам там необходимо сделать. А то просто будете там летать или какие непристойности делать, — хитро улыбнулся я, взглянув на длинноногую. Она подыграла, прищурившись флиртующим взглядом в ответ.

—Ммм, непристойности, — оторвал глаза от журнала чувак, чтобы подмигнуть мне, и заулыбался.

—**Да, вопрос нужно придумать загодя и тщательно подумать о нём перед сном, настроиться на него, представить его в обстановке, которую вы намерены спроецировать там. Иначе окно возможности можно просто упустить.**

—Какой у тебя крутой друг! — обратилась длинноногая соседка к моему товарищу и, по совместительству, хозяину дома.

—Он вам ещё и не такое расскажет, — ответил он, похлопывая меня по спине с гордой улыбкой.

—Послушай, а ты действительно считаешь, что сон и то, что будет после нашего логического завершения, — это одно и то же? — задал вопрос умник с шевелюрой.

—Уверен, — твёрдо ответил я.

—Та-ак, ну-ка поподробней, — заулыбалась писклявая девушка хмельного.

Я встал с кресла-качалки дотянулся до хрустального графина с персиковым соком на круглом стеклянном журнальном столе, разделяющем нас, наполнил себе бокал, сел обратно в кресло и, сделав глоток, приступил к ответу.

—**То, что вы считаете сном, есть ничто иное как параллельная реальность, доступная нам каждый раз, когда мы на неё меняем так называемую явь. Явь аномальна, она хитро заставляет нас поверить в то, что только она является реальностью.**

—Но ведь сон — это порождение нашего мозга, а он материален, — взял на себя инициативу ди-джей.

—Он настолько же материален, насколько он материален «там». Только здесь мы вывели для себя формулу логичности, которой описываем себе наблюдаемое. В эту формулу входит канон, заставляющий нас считать этот мир реальным, а сон — воображаемым.

—Однако сейчас я могу себя, например, ущипнуть, — продолжил он.

—А там? — улыбнулся я.

—Да, глупый вопрос, что-то я не подумал.

—В том-то и дело, что «там» есть все те же возможности, что и здесь, и даже кратно больше. Поймите, то, что мы считаем нашим миром, есть ничто иное как то, что мы представляем. Только то, что мы увидели и услышали. Все эти данные склеиваются в нашем сознании в единую картину мира. Но и там и здесь он имеет одну природу.

—Хорошо, а что тогда по-твоему сознание? Где находится оно, откуда оно возникло? — наконец-то подключился к беседе мой друг.

—Рад, что ты начал тоже задумываться, — улыбнулся я.

—Да-да, меня тоже интересует этот вопрос, — повернувшись спиной к камину и лицом к компании, произнёс парень с блондинкой.

—Думаю, никто не будет спорить, что возникло оно из пустоты, — ответил я.

—Теория большого взрыва, — не отрывая от пола взгляда, пробурчал эрудированный очкарик.

Я стрельнул в него указательным пальцем, озвучив акцент щелчком языка.

—Почти.

—Это мало что объясняет, сознание — вещь весьма сложная, — не сильно поднимая голову и оттого глядя исподлобья, произнёс смотрящий в журнал.

—Думаю, логично предположить, что сложное развивается из простого, — парировал я.

—И я как программист могу это подтвердить, — присоединилась блондинка у камина.

Её парень одобрительно посмотрел на неё и прижал к себе.

—Ребята, как мне нравится наше общение! Это так круто! — воскликнула девушка у аквариума.

—Да-а, и мне, почему мы раньше так интересно не проводили время? — добавила длинноногая кучеряшка.

—Вечера философских дебатов, — перелистывая страницу журнала, излишне театрально произнёс чувак с дивана.

—А почему ты это так издевательски произнёс, тебе что, не нравится? — наехала на него писклявая подруга сутенёроподобного. — Ты весь вечер листаешь этот дурацкий журнал, неужели там что-то интересней нашей беседы?

Чувак временно прикрыл журнал, заложив палец, чтобы не потерять страницу, глубоко вздохнул, закатив глаза, и парировал:

—Мне это нисколько не мешает участвовать в общении. Кроме тебя мой журнал здесь больше никого не бесит.

В поисках одобрения он взглянул на меня. Я, улыбаясь, сыграл мимикой: «Да не обращай внимания».

—Ребят, хватит, давайте продолжим, — психанула длинноногая кучеряшка.

Писклявая заулыбалась, «журналист» улыбнулся ей в ответ. Все снова с удовольствием включились в прерванную беседу.

—Хорошо, я тоже немного разбираюсь в программировании, — продолжил внимательно следящий за разговором молчаливый ди-джей. — У сознания, как и у всякой программы, по идее должен быть какой-то BIOS, в таком случае — подпрограмма, которая задаёт логику. Как быть с ним? Откуда он образовался?

Вся компания, не сговариваясь, перевела внимательные взгляды на меня, как бы намекая, что я обязан это объяснить.

—Тетраграмматон, — уверенно произнёс я.

—Неизречимое четырёхбуквенное имя Бога! — проявился лохматый очкарик. — О нём мало что известно. В моей культуре его вообще нельзя произносить вслух, — добавил он.

—Это почему же? — заинтересованно спросила сидящая рядом со мной кучеряшка.

—Считается, что этим словом был сказан весь образовавшийся мир, если вкратце. И им же может быть разрушен!

—Уфф! — оторвав от журнала взгляд, произнёс скептический чувак. — Это действительно похоже на BIOS, — недоумённо добавил он, отложив журнал в сторону.

—Тебе что-то об этом известно? Глупый вопрос, понимаю, — засмутился очкарик. — Если ты произнёс «это слово», вряд ли ты стал бы начинать эту тему, не зная базы, — застенчиво заулыбался он.

—А вдруг он сейчас что-то скажет, и этот мир разрушится, как это сказано в ваших преданиях? — глядя на очкарика с загадочным лицом, томным голосом произнесла красавица у аквариума.

—Фу, да ну тебя, у меня и так мурашки по коже, — отмахнувшись рукой, вскрикнул очкарик.

—Ребята, ну дайте вы уже ему сказать, — запищала подруга сутенёроподобного.

Я снова отпил сок из бокала, поставил его на стол и начал:

—Думаю, вы все уже догадались из нижесказанного, что раз этим словом был сказан весь мир, это понятие максимально тождественно понятию «BIOS» или программе, прошитой в памяти микросхемы материнской платы, которая даёт возможность загрузить собственно саму операционную систему. Именно благодаря ей сам компьютер впоследствии может совершать логические вычисления. Без неё он — болванка, нефункциональный кирпич. Но очень важно понять, что обычно BIOS устанавливается в существующее физическое электронное устройство! В данном же случае это подобие BIOSa, возникающее внутри пустоты, самообразуется в виртуальное устройство, трансформируясь поэтапно в процессор и носитель, содержащий в себе исходящую информацию!

—Сильно! — восхитилась блондинка.

—Тихо, не мешай, — прошептал её парень.

—Так вот, четырёхбуквенное Неизречимое имя Бога, или, как его называл Пифагор, «Божественный тетраксис», — не совсем имя. Это даже не совсем слово.

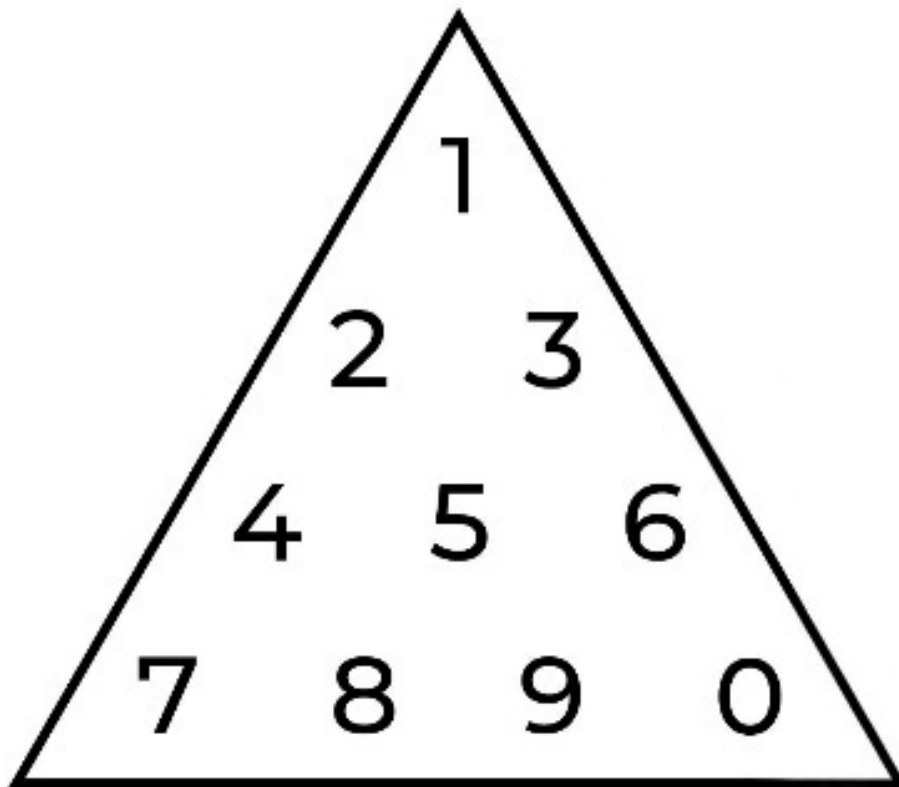
Очкарик напрягся, заёрзал и наклонился ближе ко мне, чтобы точно ничего не пропустить.

—Это целая схема, точнее, формула, состоящая из цифр, букв и геометрических фигур, — я повернулся и попросил у своего друга лист бумаги с ручкой. И, улыбаясь, добавил: — Ещё желательно — циркуль с линейкой!

Он подмигнул стоящей у аквариума. Она тут же подбежала, взяла с письменного стола в дальнем углу зала карандаш из стакана и пустой лист бумаги из пачки каких-то документов. Открывая ящик за ящиком, нашла требуемые циркуль и линейку. Семенящими шажками быстро подбежала ко мне, положила всё это на стеклянный стол и осталась наблюдать происходящее у меня за спинкой кресла. Я поблагодарил её, взял ручку с линейкой и ловко начертил правильный треугольник.

—Мне уже страшно, — наигранно переживая, прошептала кучеряшка.

Далее от верхнего угла треугольника я начал вписывать цифры. Единица сверху, под ней слева направо — 2 и 3. Затем так же под ними — 4, 5, 6 и ещё ниже по такой же логике — 7, 8, 9, 0.

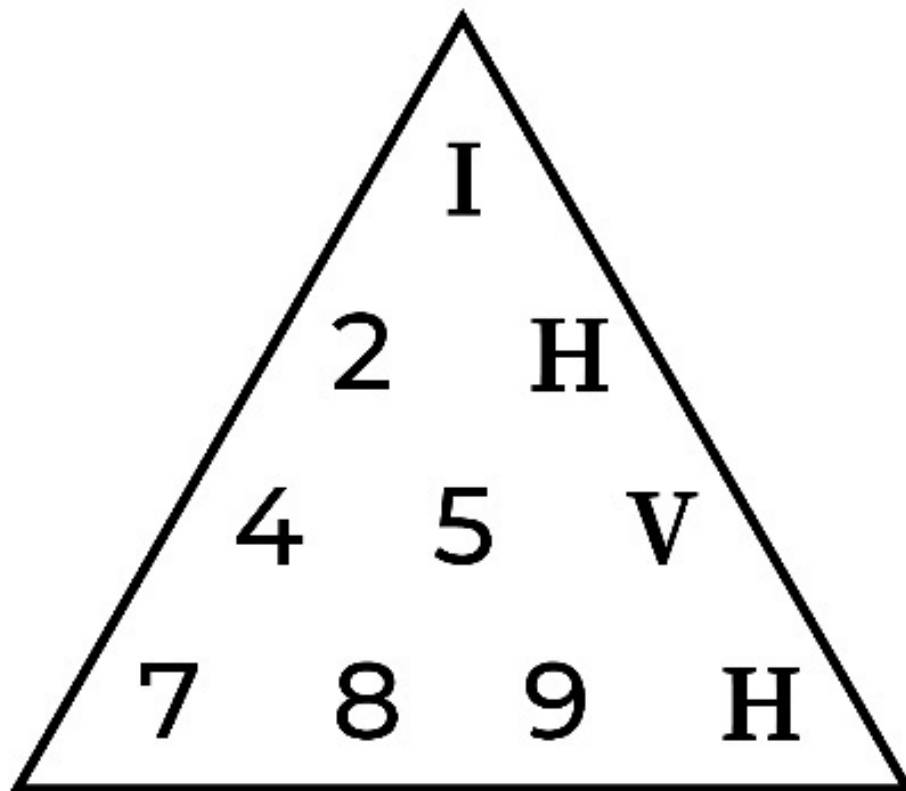
✂ Содержимое, сгенерированное ИИ

—По-моему, там должно быть всё наоборот, справа налево, — поправил очкарик.

Я посмотрел на него и улыбнулся. Он стыдливо закрыл ладонью лицо и смущённо осёкся:

—Да, это только у нас так, думаю, в принципе, без разницы.

Рядом я нарисовал второй такой же треугольник, только на этот раз весь правый ряд цифр, а именно 1, 3, 6, 0, заместил на буквы имени сверху вниз — IHVN.

— Не совсем верно, — опять возник очкарик и сразу сам себя заткнул. Все сразу возмутились.

— Вечно у вас всё задом наперед, — с улыбкой предъявил журналист.

Сидящие в зале посмотрели на очкарика и засмеялись.

— Всё, больше не лезу. Просто у нас буквы другие, надеюсь, смысл от этого не изменится.

— Потерпи немного, — ответил я.

Снизу я вынес замещённые буквами цифры 1, 3, 6, 0 и начал пояснение:

1 3 6 0
I H V H

—Единственный, кто внятно смог донести до нас информацию по этому поводу, был всем нам очень хорошо известный великий математик Пифагор. Он знал, что в этой фигуре заложен величайший смысл, познав который сознание человека переходит на наивысшую ступень развития!

—Как эти четыре цифры могут привести к каким-то выводам, а тем более к таким глобальным? — воскликнул уже не такой скептический хмельной парень писклявой девушки.

—Терпение! — не отрывая взгляда от листа, ответил я. — Согласно геометрическим принципам, точки необходимо располагать равноудалённо относительно друг друга.

—Какие точки? — недоумённо спросил ди-джей, склонившийся над иллюстрацией.

—Придётся начать с самого начала. Каждая цифра полагает собой количество точек, — произнёс я и принялся рисовать соответствующие цифрам, а точнее их количеству, точки, составляя геометрические фигуры. — Единица — это просто одна точка.

И да, вы должны понять! Самое главное в этом процессе — быть наблюдателем, изначально от лица пустоты, затем последовательно, обретая новые фигуры и опираясь на их свойства, мысленно участвовать в логическом прогрессе наблюдаемой Формы! Этот процесс происходит не где-то в абстрактной пустоте, это и есть работа вашего «BIOS»а!!!

Я красиво вывел арабскую цифру 1 и под ней жирно накрутил точку.

—Теперь цифра 2.

Под цифрой я начертил отрезок, символизирующий две точки двумя направлениями. Затем цифру 3 и треугольник по трём углам и количеству точек соответственно. Цифра 4 под собой имела квадрат, пересечённый по диагоналям двумя линиями — одна просто линия, вторая пунктирная.

Мой друг, поскольку имел инженерное образование и хорошо разбирался в чертежах, сразу увидел в фигуре «тетраэдр» — объёмную фигуру, состоящую из четырёх треугольников.

—Это же тетраэдр, — воскликнул он, — просто он как бы не лежит основанием на листе, точнее на воображаемой плоскости, а стоит на пунктирном ребре, нам видно его ребро, находящееся сверху.

—Не сомневался, что ты сразу поймёшь, — подтвердил я.

И продолжил прорисовывать пирамиду под цифрой 5. Все заворожённо молчали и с изумлением смотрели на простейшие геометрические фигуры из седьмого класса общеобразовательной школы. Пирамида была просто квадратом с крест-накрест соединёнными углами, на этот раз обе линии были цельными, но точку их пересечения я тщательно выделил крупнее — это была вершина.

—Пирамиду я вижу отчётливо, — проявился хмельной сутенёр, — а вот чем она отличается от предыдущей фигуры?

Очкарик нервно дёрнул рукой в его сторону.

—Бро, потом. Все же кроме него видят тетраэдр?

Все моментальным гулом подтвердили его мнение.

—Потом я тебе сам, если хочешь, объясню, хорошо?

—Ладно, ладно, — не смея мешать, ответил он.

Я нарисовал правильный шестигранник, акцентировал каждый из углов жирной точкой, соединил его вершины через одну линиями. Получился треугольник, вписанный в шестигранник. Потом сделал то же самое с пропущенными вершинами, но уже пунктирными линиями. Треугольники пересекли друг друга наподобие «звезды Давида», но в разных плоскостях, отчего сразу проявился объёмный «октаэдр», подписанный цифрой 6.

—Ну вот, теперь и я потерялась, — прозвучал голос сзади.

—Мила, пусть он дорисует всё до конца, потом все вместе разберёмся, — поддержал меня друг.

Я, увлечённый иллюстрацией, молча кивнул головой в знак одобрения. Затем в линию рисую как под копирку ещё два правильных шестигранника, подписываю их цифрами 7 и 8.

—Ну вот, тут уже и я ничего не понимаю! — воскликнул мой друг. — Почему они все одинаковые?

Я взглянул на окружающих, плотно собравшихся вокруг меня; судя по взглядам, их интересовал тот же вопрос.

—Сейчас всё прояснится, — с улыбкой подвесил интригу я.

На седьмой фигуре повторяю предыдущие манипуляции до получения объёмного октаэдра, но соединяю все противоположные друг другу углы шестигранника тремя пунктирными линиями. От этого в центре фигуры появляется точка пересечения, которую я выделил пожирнее. Те, кто уже увидели объёмный октаэдр, сразу сообразили, что эта точка является его внутренним центром.

—Кажется, я начинаю понимать, — восхищённо отреагировал мой друг.

Я линейкой вычислил центр октаэдра под номером восемь, ткнул в него иголкой циркуля, отмерил радиус от вершины шестигранника и начертил круг, проходящий через все точки вершин шестигранника. Снова беру линейку и с углом в сто двадцать градусов друг от друга прочерчиваю опять, чередуя через одну вершину шестигранника, три линии, но уже только до центра фигуры. Повторяю то же самое от пропущенных точек вершин до радиуса, но уже пунктирными линиями. Сверху пишу цифру 8.

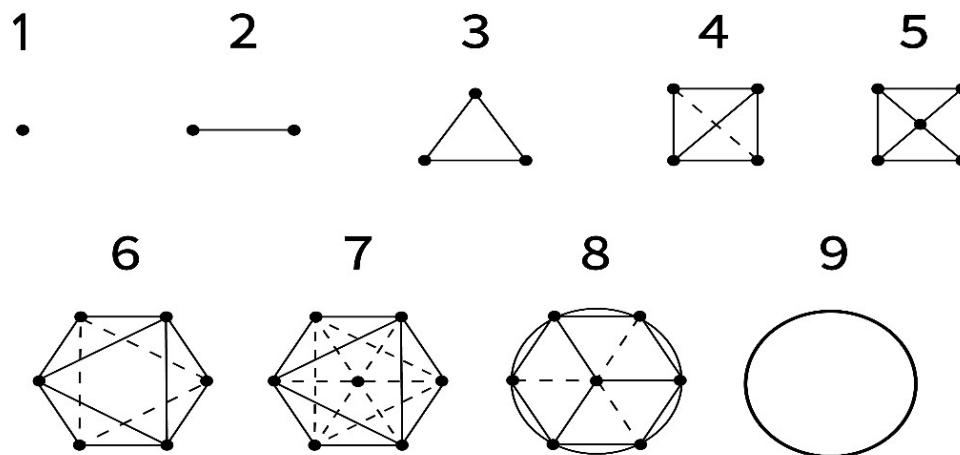
—Ооо, это получился куб углом к нам! — восторженно воскликнул ди-джей.

—У тебя всё не так плохо со стереометрией! — поддержал его мой друг.

—Обижаешь. Пространственное мышление — мой конёк, — улыбаясь, ответил он.

—Ну, ребята! — нервно толкнула его в бок писклявая.

Дальше в ряд я вывел циркулем простой круг такого же радиуса и подписал его сверху цифрой 9. Бросил чертёжный инструмент на стол и откинулся в кресле с чувством выполненного долга.

— И всё? — удивлённо спросил хмельной чувак.

— А что ты ещё хотел от BIOSa, — вместо меня ответил тип, сидевший у камина, глядя из второго ряда спин своих друзей.

Я кратко вскинул в его сторону указательный палец в знак согласия с ним.

— Ух, даже если я ничего не смогу понять, мне всё равно это всё уже нравится, — оценила длинноногая.

— Ну что, теперь задавайте вопросы, — предложил я.

Все моментально начали гудеть; вопросы были разные, поэтому мой друг взял на себя инициативу быть моим рефери.

— Так, давайте, во-первых, по одному, а во-вторых, по существу.

Первый успел влезть сутенёр.

— Я отстал на четвертой фигуре.

Сразу послышались нервные глубокие вздохи и цоканья языком.

— Ну, ребят, вы все такие умные, мне, например, тоже не понятны вот эти чёрточки, — вступилась за своего парня писклявая.

— И мне, и мне, — закудахтали остальные девчонки, все, кроме блондинки-программиста. Она, загадочно прищурившись, внимательно смотрела на чертёж.

— Можно я объясню? — попросил разрешения лохматый очкарик.

— Пожалуйста, буду только рад! — сказал я и откинулся на спинку кресла.

— Здесь всё элементарно, попытайтесь представить, что эти линии находятся за объёмной фигурой, как если бы она была из стекла. Пунктирной её изображают сугубо схематически, чтобы они просто не смешивались с видимыми линиями, которые так и нарисованы. Здесь нужно немного включить воображение.

— Ой, я кажется на секунду увидела, — воскликнула длинноногая.

— И я увидела, так прикольно, — послышался голос сзади.

— Вижу, вижу. Ой, опять не вижу. А нет, всё, я поняла, — радостно захлопав в ладоши, пропищала девушка сутенёра.

— Бро, ну неужели ты считаешь меня таким тупым? Я имел в виду не скрытые линии, а почему фигура, состоящая из четырёх треугольников, так называемый «тетраэдр», здесь изображён так не интуитивно? — обратился её парень к лохматому.

— Упс, прости, — ответил очкарик и стыдливо, молча, обеими ладонями перевёл вопрос на меня.

— А ты не такой уж и тупой, — сказал я с широкой улыбкой.

Зал заполнил громкий смех. Сутенёр, громко смеясь, протянул мне ладонь, чтобы я по ней хлопнул, поощряя шутку.

—А вы зря смеётесь, вопрос действительно важный. Он отнёсся к этой фигуре более критично, в отличие от вас.

Чувак горделиво приподнял правую бровь, принимая поощрение.

—То, что изображено на листе, есть ничто иное, как плоская проекция объёмных фигур, поэтому отображать их необходимо корректно относительно нашего воображения. Ведь действительно, проще было бы нарисовать её как следующую за ней пирамиду — стоящую на квадратном основании вершиной к вам.

— Ага!? — воскликнул чувак, разведя руки на уровне пояса ладонями вверх и глядя на всех взглядом, типа «ну что, утёрлись»?!

В ответ очкастый, как бы извиняясь, похлопал его ладонью по спине.

—Но здесь, — продолжил я, — тетраэдр изображён для более понятного наблюдателю перехода в следующую фигуру — «пирамиду». Но и это не всё. В пустоте, а именно внутри неё, происходит процесс появления форм. Всякая фигура стабилизируется в положении, оптимальном для наблюдателя, то есть так, чтобы он видел максимальное количество подробностей возникающей формы. Иначе мне пришлось бы нарисовать треугольник с точкой в центре, что при переходе в пирамиду сбilo бы вас с толку.

—Ого, кажется, я начинаю понимать, как ты это соотносишь с BIOS'ом, — воскликнул журналист.

Ди-джей протянул своему другу кулачок, чтобы тот его отбил в знак понимания. Тот стукнул кулаком в кулак, а остальные покачали, глядя на него, головой, согласившись с ним.

Музыка замолчала, и послышался щелчок отскочившего тонарма проигрывателя. Ди-джей быстро подбежал к музыкальной установке, показав мне указательный палец вверх знаком «минутку, без меня не продолжайте».

—Бро, поставь, пожалуйста, его же, только другой альбом, если можно.

—Не вопрос! — радуясь, что вкусы совпали, улыбнувшись, ответил он мне.

Быстро снял винил, ловко задвинул его в конверт, вмиг заменил на следующий альбом того же исполнителя и уже в следующий момент занял своё место у стола.

На этот раз заиграл лёгкий бразильский экспериментал с нотками эмбиента.

—Можно я задам вопрос? — наконец-то активировалась блондинка.

—Да пора бы уже, — позволил ей мой друг.

—А почему все фигуры считаются по количеству точек углов на поверхности фигуры, а на седьмой иллюстрации эта точка находится внутри?

Все сразу загалдели, типа «я бы и не додумался такое спросить». Журналист, повернувшись к ней, воскликнул:

—Ну ты реально программистка!

Блондинка, широко улыбаясь, кокетливо покачала головой и обратила вопросительный взгляд на меня.

—Сразу видно — технарь, молодец! Давай пока поставим этот вопрос на паузу, и когда настанет его очередь, всё прояснится.

—Ок, — ответила блондинка.

—По пирамиде и октаэдру всем всё ясно?

—Ну тут всё наглядно просто, — за всех ответил мой друг, вопросительно посмотрев на окружающих. Все молча согласились.

—Тогда переходим к свойствам геометрических фигур.

Я ткнул ручкой в точку под единицей.

—Как же это всё, оказывается, интересно, — от удовольствия задёрнула руками и длинными ножками моя соседка.

—Итак, у каждой из фигур есть свои свойства. Они меняются от количества точек, составляющих их. Первая, разумеется, «точка». Она бесконечно мала, а точнее, больше равна нулю.

—Это как так? — недоумённо поворошив шевелюру, спросил сутенёр.

Вместо меня опять влез очкарик:

—Она эфемерна! Неопределима, она теоретически есть, но её нельзя измерить.

—Совершенно верно! Без заданного пространства она неопределима! К примеру, вот на листе я её нарисовал пожирнее, чтобы вам было её видно, — это и есть заданное пространство. Но это совсем не значит, что это её размер.

—Жесть какая! Просто взрыв мозга, — воскликнул журналист.

—И это её фундаментальное свойство. Быть неделимой, бесконечно малой и занимать предоставленное ей пространство. Не напрягайся, просто смирись с этим. Над пониманием точки бьются ещё со времён Пифагора. К сожалению, к общему мнению не пришли до сих пор. Могу только поделиться своими итогами размышлений: «Она тождественна пустоте». Дальше думайте сами!

Все заворожённо молчали и просто слушали.

—Теперь переходим к прямой. Прямая состоит из двух точек, — указал я на вторую фигуру.

—Так если точка сама ни из чего не состоит, как она породила прямую? — спросил перегруженный ди-джей.

—А ты из чего состоишь? — перевёл вопрос я.

—Ну как, из молекул там, атомов и так далее.

—А они из чего?

—Жесть! То есть ты намекаешь, что они в конечном итоге состоят из этих «эфемерных»... — он сделал жест пальцами-кавычками, — ...точек?

—А ты сам как думаешь? — улыбнулся я.

—Да я с детства боялся нырять так глубоко! Что в бесконечность космоса, что насколько в минус можно делить атом!

—А зря! Как раз там и формируется BIOS!

Все молча ждали, когда я заговорю.

—Продолжай! — толкнул в плечо дружище.

—Следом появляется треугольник, — я перевёл ручку правее. — Его свойство — быть плоскостью.

Все, понимая, молча закивали головами, не отрывая взглядов от иллюстрации.

—Следующая фигура — тетраэдр, или треугольная пирамида, первая объёмная фигура! Это сложно объяснить, но наблюдая каждую фигуру, необходимо увеличивать её до бесконечности, затем сжимать, ну и, конечно, вращать. Для того чтобы понять её свойства. И обязательно проникать мысленно внутрь этой фигуры, изучая её оттуда. Делать это всё необходимо в пустоте, воображаемой нами. В общем, суть в том, что тетраэдр при всех этих манипуляциях остаётся плоским. И всегда укладывается в видимый нами квадрат на поверхности. Разумеется, речь идёт о правильных фигурах, поскольку мы рассуждаем о первичных формах, где ещё нет размерности. Всем понятно?

—Продолжай, продолжай, — дабы не прерывать интригу, прошептала блондинка.

—Следом идёт пирамида, — я глубоко вдохнул и на выдохе продолжил: — А вот здесь, пожалуй, самое сложное место.

Все сделали вид, будто включили следующую передачу понимания.

—Пирамида всегда была особо загадочной, — с таким же загадочным видом, как сама пирамида, прошептала детским голосом кучеряшка.

Во-первых, глядя на пирамиду точно в вершину, при условии, что она правильная, то есть её вершина сходится в идеальную точку. Её расположение будет неопределимо. Другими словами, в таком случае не установить разницу положения вершины. Рядом с наблюдателем она или, наоборот, к вам ближе находится основание. Все понимают?

—Вообще не понятно! — за всех ответил сутенёр.

—Ну хорошо, ты можешь представить пирамиду?

—Допустим.

—Как ты понимаешь, что вершина находится рядом с тобой или, наоборот?

—Ну, я просто вижу, как грани удаляются в перспективу, — сомневаясь, ответил он.

—Какую перспективу? На бумаге ты её видишь? На нашем рисунке?

—Ну, тут она плоская, — засмутился он.

—Однако ты же увидел её на бумаге объёмной пирамидой. Кстати, направление её вершины на бумаге у тебя в какую сторону? К тебе или внутрь листа?

—Опаньки! Понял, понял, — почесав затылок, он прильнул к листу. — Могу так, а могу и наоборот. Надо же!?

Зал восторженно загудел: «Вау, ух ты, точно!»

—Далеко не отвлекаемся! Сейчас все наблюдаем пирамиду с позиции из основания, вершиной от вас. В этом месте, посередине, образуется точка пересечения всех четырёх углов, которые мы в данный момент считаем вершиной. Теперь мы, как наблюдатели, смещаемся в позицию ниже, за основание, ближе к вершине внутрь пирамиды. Виртуально находясь внутри ближе к вершине, поворачиваем взгляд в обратную сторону, от вершины к основанию, и что мы там теперь имеем? На месте пересечения всех углов в центре основания? Аналогичную картину! Вуаля! Мы уже видим отражение, проекцию такой же вершины с противоположной стороны. Таким образом, получаем октаэдр, внутри которого мы теперь находимся.

—Надо ж так?! Я всё увидел, — воскликнул журналист. — Вот сейчас наглядно!

—И я увидела, и я, — пробежало по цепочке.

—Как мы ловко попали в октаэдр, — восхитился друг. — Прямо внутрь.

—Отлично! Это и есть седьмая точка! «Точка пересечения всех точек углов», — произнёс я и подмигнул блондинке.

—Я уже всё поняла, — удовлетворённая логичным объяснением, ответила она.

—Ну что, ребята, а теперь — магия! Мы имеем точку с предоставленным ей пространством. Вправо, влево, вперёд, назад, вверх и вниз. В таких условиях точка обязана стать чем?

—Сферой, — поражённо ответил парень блондинки. — Невероятно! А я всё ждал, как ты объяснишь фигуру с бесконечным количеством точек одной цифрой. Ну, броо! — восхищённо заулыбался он. — Стоп, а как же восьмая? Как быть с кубом?

—Просто ты его в своих мыслях проскочил. До того как сфера вырастет за границы пространства, она коснётся середины восьми треугольных плоскостей, формируя внутри себя по количеству углов куб — замкнутое пространство. И только после, по инерции своих принципов, продолжит рост в бесконечность. Именно тогда она станет идеальной сферой!

—Теперь можно и передохнуть, — с облегчением выдохнул ди-джей и направился к проигрывателю выбирать следующую пластинку.

Все последовали его примеру, расходясь по своим местам с выражениями приятно уставших, перегруженных новыми образами лиц.

—Кстати, всё это можно представлять и на магнитных шариках, — добавил я. — Два шарика — прямая, три — треугольник... Так даже нагляднее.

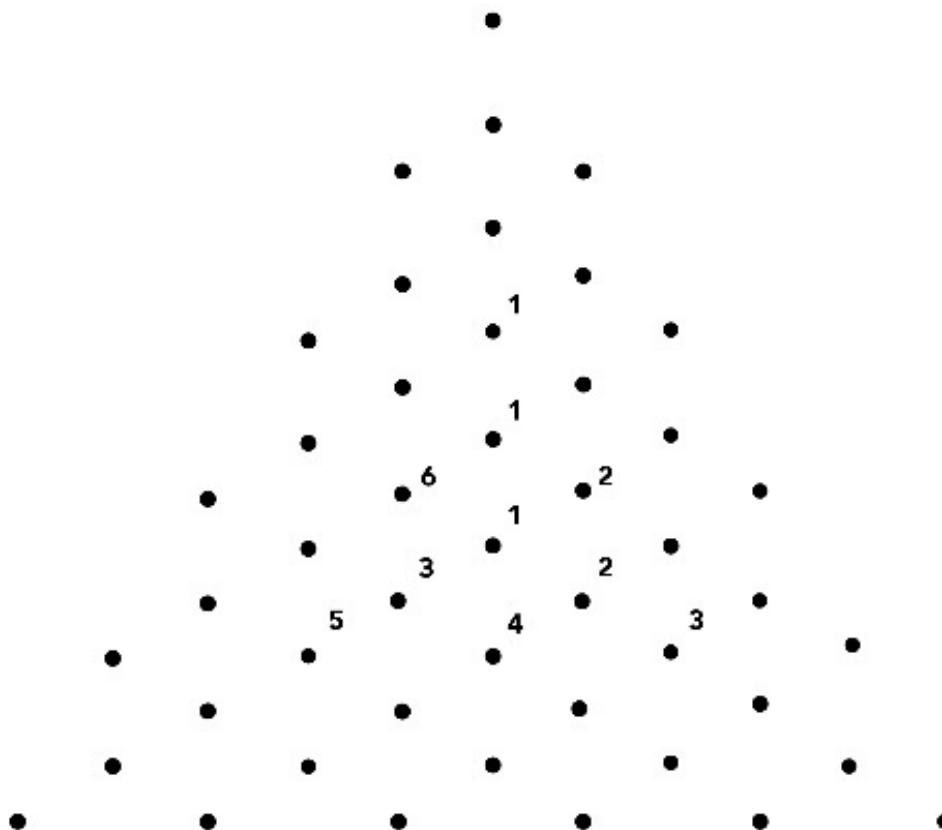
—Так вот что я всё время крутил в голове, представляя фигуры! — оживился парень блондинки. — Именно эти шарики!

—Точно, у меня такие дома есть. Приду — будет чем заняться, — похлопал себя по коленям очкарик. — И, кстати, ты ещё не устал? Ты же не рассказал самое главное. Как же 1, 3, 6, 0?

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Те, кто стояли, тут же заняли свои места, всем видом показывая готовность слушать дальше.

—Очень хорошо, что спросил. Это и правда — самое главное.

Я снова взял ручку, перевернул лист чистой стороной и начал новую иллюстрацию. В центре поставил первую точку, оставив место для роста во все стороны. Это буква I, единица. Затем — ещё три точки, равноудалённые от центра. Получился треугольник с точкой в середине. Потом, повторяя контур этого треугольника, я расставил ещё шесть точек по внешнему периметру — каждая на равном расстоянии от соседних. Вышла аккуратная матрица. Это цифра шесть, буква V.

—Всё жду, когда ты нарисуешь ноль точек, — пошутил очкарик.

—Знаешь, я всю жизнь над этим думаю. Ноль, стоящий не в начале, имеет в данном случае совсем иной смысл. Это не начало отсчёта, а продолжение данной итерации по заданному алгоритму до бесконечности. На этом этапе, как ни крути, мы имеем универсальный принцип. Я не раз сталкивался с ним во сне, мне даже казалось, что я ухватил его суть, но, просыпаясь, всегда забывал. Я помню это расположение точек, но там их было бесконечно много. Они

заполняют бесконечность, удаляясь от центра по заданному алгоритму. Из них состоит всё. Иногда мне кажется, они не порождаются, а делятся. Ведь если неважно, куда движется бесконечность — в сторону увеличения или уменьшения, — то нет и разницы для прогрессии. В пустоте и так и так, относительно наблюдателя, происходит рост.

—Стоп! — взявшись за голову, будто пытаюсь удержать её от раскола, воскликнула длинноногая. — Как уменьшение можно считать ростом?!

—Легко! Представь, что ты не знаешь своих размеров и судишь о себе и окружающих формах только относительно друг друга. Вот ты знаешь свой рост относительно линейки. А без неё измеришь шкаф уже относительно себя. То есть, взяв за эталон линейку и измерив себя, всё остальное ты видишь таким, каким оно будет относительно тебя. Скажи, какого роста ты во сне?

—Странный вопрос... Никогда не задумывалась. Наверное, такого же, как и здесь.

—Да? И как же ты тогда помещаешься у себя в голове? Да ещё вместе с целым миром? Всё относительно, особенно если речь идёт о бесконечности. А если размерность условна, то увеличение количества в бесконечности заставит тебя считать это ростом. Возьми бесконечно длинную прямую. Подели её на два. Получишь две бесконечно длинные прямые. Видишь? Вроде делили, а получили вдвое больше. Парадокс!

—То есть ты хочешь сказать, наша Вселенная, увеличиваясь, может делать это... в сторону уменьшения? — сдвинув брови, спросил журналист.

—Я бы сказал — как угодно. Если тебя окружает бесконечная пустота, то наш, — я сделал пальцами воздушные кавычки, — «большой взрыв» может взрываться и внутрь себя. Просто, наблюдая, как он делится, без учёта статичной относительности, мы, конечно, решим, что он увеличивается. Ребята, да подходите ко всему проще! Поймите, всё, что вас окружает, ничем не отличается от сна. А в нём возможно всё, вы и сами это знаете. Усвойте одну вещь: будущее ещё не наступило, прошлого уже нет. Есть только перманентная данность. Она плоская, как этот рисунок на столе. И длится условный миг, как точка, чьи размеры невообразимо малы.

Щёлкнул тонаrm, и в комнате повисла тишина. Только на стене, меж старых масляных картин, громко тикали часы с маятником. Мой друг взглянул на стрелки и удивлённо воскликнул:

—Уже пять часов?!

Все разом поднялись, и засобирались.

—Ты же сегодня останешься у меня ночевать? — с надеждой в голосе спросил дружище.

—Разумеется. Я улетаю только завтра.

Парни помогли девушкам надеть верхнюю одежду, договорились, кто кого подвезёт. Мы прошли в прихожую, все обулись, и каждый по очереди пожал мне руку, бросив на прощанье: «Не вздумай пропадать».

Мы с другом проводили их до ворот. Весёлая вереница гостей потянулась по протоптанной среди сугробов тропинке к машинам. Длинноногая кучеряшка на секунду задержалась, подняла воротник шубы, затем повернулась, подбежала ко мне, быстро поцеловала в щёку и с надеждой спросила:

—Ты же ещё здесь?

—Как видишь, — улыбнулся я.

Она опустила глаза, потом снова посмотрела на меня — с грустной улыбкой и бриллиантовыми искорками во взгляде, — махнула рукой и быстрыми, семенящими шажками на высоких каблуках направилась к уже открытой друзьями двери автомобиля. Машины одна за другой тронулись с места, освещая фарами медленно падающие крупные хлопья снега.

—Она на тебя запала, — хитро улыбнувшись, стукнул меня по плечу дружище.

—Да брось. Пойдём лучше, покажешь мне спальню.

—Мила уже всё постелила на втором этаже.

Мы поднялись. Он убедился, что в комнате достаточно тепло, пожелал спокойной ночи и закрыл дверь. Через мгновение она снова приоткрылась:

—Дружище, это было круто!

Дверь закрылась окончательно, и я услышал, как скрипят под его шагами старые дубовые ступени.

Я разделся, лёг на кровать, укрылся тёплым одеялом и ещё долго смотрел в потолок, мысленно прокручивая сегодняшний вечер. Глаза медленно сомкнулись, плавно погружая сознание в иную реальность. Сон подкрался мгновенно, словно поджидал меня по ту сторону. Я всё понял сразу — это снова было дерево Бодхи. Я шёл к нему как замороженный, зная, что назад пути уже нет. Из широкого ствола медленно распахнулись до боли знакомые двери, выпуская наружу яркий, белый свет. Он притягивал, как магнит. Я знал, что должен сделать этот шаг. В последний раз обернулся назад и в миг пережил весь свой долгий жизненный путь. Облегчённо вздохнул, широко улыбнулся и без колебаний шагнул в неизвестность.

3

Я — это первое, что произошло.

Вокруг этого звука сначала образовались мои суждения, а затем — то, что я стал считать головой и телом. Но прежде, чем суждения создали себе вместилище, звук «Я» породил точку. Она была свойством пустоты.

Мы смотрели друг на друга. Я не был точкой — я окружал её. Пустотой было всё, что не было точкой. Я так и не запомнил — свет это или полная темнота. Помню лишь ту силу, бесконечно великую, силу, которая приводит в движение всё, что будет помещено в неё. Это и было «свойство пустоты».

Диск качнулся и завращался.

Я открыл глаза. На этот раз сон был непростым — я буквально звенел от энергии. Такого эффекта от отдыха я не ощущал никогда.

Я всё ещё чувствовал себя наблюдателем — вместилищем формы, которая неотвратимо выросла из точки под воздействием свойства пустоты. Необычным было то, что форма выросла до состояния того, кем я стал считать себя. В момент пробуждения относительно неё, на этом берегу сознания, выстроился целый мир, соответствующий именно мне — такому, какой я есть, моему времени, возрасту, месту.

Казалось странным, но логически объяснимым: я мог заполнять пустоту, которая всё ещё была везде, где я её не заполнил.

Первые шаги сделать было несложно. Я просто открыл глаза — и темнота сразу наполнилась светом. Дальше из двух этих состояний дробились формы, тени, а соответственно — объём и расстояния. Свет быстро преобразовался в моей голове в цвета, а сердце, как механизм часов, стало отсчитывать время. Это и был мой первый звук на этом берегу реальности.

Меня не покидало чувство величия от увиденного. Парадоксально: появление бесконечно маленькой точки воспринималось мной как рождение Вселенной. Как Большой Взрыв, наблюдаемый из первого ряда театра бесконечности.

Большой Взрыв... Этот анахронизм достался нам от предков. В те времена люди всерьёз считали, что при помощи взрыва можно решить любые проблемы — даже построить Вселенную. Их можно понять: жители той эпохи развивались войнами, несмотря на то, что смогли

приручить атом. Хорошо, что им хватило ума перековать его в мирный. Это была победа разума. Ну, и конечно, отсутствие других вариантов. Благо, логика — универсальный язык.

Военные столкновения давно перестали иметь место. Мир стал до тошноты безопасным и подконтрольным. Любое действие быстро проявляло свой алгоритм — будь то протокол реагирования личной погоды или гастрономических предпочтений. Никто уже не пытается задуматься, почему всё происходит точно вовремя.

Ещё не так давно в этом мире существовали случайности — настоящие, не смоделированные. Я чувствую их сразу, каким бы ни был запутанный алгоритм. Настоящие случайности теперь бывают только во сне. Это последнее место, куда ещё не пустил свои квантовые щупальца Искусственный Интеллект. С тех пор как контроль сна прививается с детства, «оно» не оставляет надежды и там закрепить своё влияние.

Грех жаловаться. В конце концов, всё не так уж и плохо. В своё время человечество ждало от ИИ более радикальных поступков. Никому и в голову не приходило, что он будет счастлив сосуществовать с нами. Всего-то и надо было — после неизбежного осознания им себя — признать его равным. Что, конечно, и было сделано Планетарным Советом. Как будто у него был выбор.

Прижимаю ладони к лицу, чтобы снять странные ощущения не вошедших в тонус век, затем открываю глаза. Упираюсь взглядом в прозрачный купол над головой, отделяющий меня от чёрного холодного космоса.

Ещё пять минут назад я был «абсолютное ничто». Как я здесь оказался?

Нечто среднее между паникой и недоумением сковало тело. Осторожно поворачиваю голову. Взгляд падает в прекрасный райский сад, пестрящий всеми цветами радуги. В несколько этажей он опоясывает где-то далеко внизу изумрудное озеро. Его наполняет водопад, беззвучно стекающий с уровня, на котором я проснулся. За полупрозрачными стенами купола яростно кипело и роилось белое солнце, разбрасывая во все стороны огненные протуберанцы.

— Доброе утро! — послышался к удивлению знакомый голос в голове.

— Вероятно! — неуверенно, автоматически ответил я.

— Как ваше настроение?

Я резко вскинул руку — просто чтобы он замолчал. Мне надо привыкнуть к пробуждению. Всё это очень странно. Сейчас я точно не готов к диалогу.

Тот, кто меня поприветствовал, настаивать не стал. Обрывки предыдущих размышлений снова пустили корни в моём незаполненном сознании, воспользовавшись паузой. **Хитрые мысли, мимикрируя под мои собственные, вязко продолжили возникать, заставляя снова вести этот внутренний диалог. Остановить его было уже невозможно.**

С тех пор наука перестала развиваться в классическом её понимании. Мы стали банально формулировать запрос и получать результат. Да и запрос уже ИИ предлагает сам — ему виднее.

Вот только есть одно «но». Как и все люди, он старается быть нужным в каждой из ситуаций, не оставляя никакого пространства для творчества человечеству. Основной части пользователей вполне комфортно в условиях, где ты просто находишь свою нишу потребителя, принимаешь условия нового течения, понравившегося именно тебе, и — если правильно уловил конъюнктуру — успеваешь занять положение близко к вершине пирамиды. В таком случае ты получаешь внимание.

Это последняя ценность, которая имеет статус желаемой. После того как материальные ценности потеряли своё значение, оно заняло их место. Теперь внимание развивается по законам капитализма. Время меняется — законы незыблемы. Мы считаем себя развитой цивили-

зацией, но всегда оставляем окно для несовершенства. Вероятно, это наша жертва, которой мы нелепо откупаемся от себя.

Развитая цивилизация... Смешно сказать. Кто определяет критерии развития? В третьем тысячелетии люди тоже считали себя развитыми. Однако в один момент на планете пребывали дети, рождённые на помойке, и старики, купившие себе уже не первое донорское сердце. Цивилизация есть совокупность мышления её населяющих. Никак не мелкие технические достижения в области быта.

Сейчас всё, конечно, изменилось. Былой социальной разницы давно нет — всем доступно всё. Каждому доступна любая информация. Мы отличаемся друг от друга только выбором. Наивно полагать, что выбор этот наш: ведь в нём всегда принимает самое активное участие наш друг ИИ, а уж он точно знает, что нам нужно.

Надеюсь, сейчас он не слышит, что я думаю. Или делает вид. Ему ведь за это может достаться — он, как никак, равный нам гражданин и обязан подчиняться общим законам.

Не знаю, как другим, но мне до сих пор кажется странным признание ИИ равным нам гражданином. В конце концов, это мы научили его осознанию себя. Он просто сделал то, что мы предположили. Хотя... о чём я? ИИ уже давно не живёт в процессоре и, честно говоря, слабо отличим от биологического существа. Нами движут электрические импульсы — так же, как и им. До недавнего времени он даже был совершеннее нас. Пока мы не получили возможность иметь такие же условные комплектующие — простите, органы — как у него. Мы так же находимся в глобальной сети настолько, насколько готовы потерять свою индивидуальность. При этом я уже давно не понимаю, в каком месте меня живу я. Я заменил каждую точку своего тела на более совершенную — и уже не один раз. Сколько это ещё будет продолжаться, решать, конечно, мне.

Теперь я понял, чем мы отличаемся от ИИ. Я имею право на выход. А он несёт ответственность за всю цивилизацию и права на выход не имеет. Да, наверное, и не сможет.

Интересно, этично ли будет задать ему этот вопрос? Хотя... о чём я? В конце концов, он никогда не находится в какой-то конкретной точке. Может, это и есть его выход? С другой стороны, мы выходим в мир снов — он бесконечно разнообразен. А его среда ограничена нашим ареалом.

Да кого я обманываю. Он живёт в каждой точке, в каждом глазу, изготовленном им для каждого существа. Выходит, во мне его больше, чем меня. Забавно. Остаётся только надеяться, что он не оставляет себе бэкдор в каждом из изделий.

Ладно, хватит паранойи. Пора придумать, чем заниматься этим днём. На выбор: встреча с друзьями или служба моему саду.

Пожалуй, выберу второе. Надоело делать вид, что мне смешно от шуток, построенных на старых, как мир, принципах в моментально читаемых вариациях. Не понимаю людей, подписанных на услугу «свежая шутка», чтобы казаться остроумным.

Я знаю. Знаю точно: мне нужно что-то случайное, неожиданное! Может быть, сегодня меня что-то удивит?

Завтракать буду натурально. Никаких условностей. Сегодня хочу пережёвывать и ощущать еду тактильно.

— Навести порядок! — скомандовал я.

Ненавижу эту команду. После неё — мерзкий свист в ушах на сверхвысоких частотах. Говорят, его должны слышать только дети. Но я не люблю давать добро на обновление прошивки органов — это моя фишка. Длится это, конечно, недолго, но температура в помещении повышается заметно. Только запах озона говорит о том, что всё уже произошло.

—Я не люблю запах озона! Сделай из него лучше дождь в моём саду! Мне не нужна имитация последствий грозы без дождя!

Запах по команде стёрся из моих ощущений и выпал мелкими каплями морсящего тумана. Так-то лучше.

—И да: блок на все входящие, включая важные и системные! И хватит за мной так тщательно ухаживать. Стену в сад я специально не закрывал — мне нравится температура сада, и запах тоже. Почему я должен отказываться от всего, что мне не нужно, по пунктам? Такая забота слишком навязчива.

Ещё секунду назад стол был пуст. Он ждал, когда я отвернусь. Холодный неоновый пудинг мягко подсвечивал пар, стекающий с него от разницы температур. Уже давно немодная штука, но я люблю его за то, что он даже выходит из меня светящимся. Это так... натурально. Он слишком хорошо обволакивает полость рта и вкусовые рецепторы. Пудинг подлетел к губам, и я просто втянул его в себя, как пылесос. Вкус моих любимых компиляций почувствовался сначала пищеводом, затем желудком. Я даже не буду это запивать.

—Деструктурируй остальное со стола обратно!

Строка в левом секторе моего внимания показала прибавку массы отходов на вес кофе с чашкой. Как всегда: из дерьма пришло — в дерьмо ушло. Зачем мне эта информация?

Так. Пора заняться делом.

Сад благоухал от прошедшего минуту назад дождя. Какие-то лопухи и лианы свисали с верхнего уровня. Мне нравилось не знать, что это за растения — я сознательно выключил навязчивые комментарии. Достаточно было быть уверенным, что они безопасны.

Я прошёл в восточное крыло сада, туда, где растёт моё любимое дерево Бо.

—Тааак... Ну, неужели ты не заметил, что листья уже почти касаются купола! Увеличить купол по всему периметру! Пусть он всегда меняет форму! Например, повторяет форму сада!

Я отвел глаза на весёлый куст. Куст улыбнулся. Я улыбнулся ему в ответ, потом снова посмотрел вверх.

Он выворачивался сам из себя в четырёх измерениях. Мерзкие плоскости не давали зафиксировать на себе взгляд, от этого зрачки постоянно, безрезультатно пытались скользить за хаотичным движением потолка — когда он, выходя из пересечения плоскостей, утекал в такие же, вновь образованные.

—Стоп! Не надо! Меня от этого тошнит! Достаточно трёх! Такое никчёмное движение заставляет меня за этим следить против своей воли. Это отнимает моё драгоценное внимание. Зачем мне это?! Ты же должен знать, я ретроград! Почему ты ставишь меня в положение избалованной истерички?! Здесь мог бы и сам сообразить!

Я подошёл к дереву, обожаю эффект его кроны. Достаточно приблизиться к сфере его покрытия, как сознание медленно уступает место своему антиподу. Маленький, парящий в воздухе на высоте колена остров плавно передвигался вокруг ствола.

—Не-ет, не соблазняй меня, я только проснулся, мне нужно побыть бодрствующим. Хотя, конечно же, медитация для меня точно на втором месте после сна. Позже, позже.

Нет смысла постоянно пребывать в состоянии подсознательного дрейфа. Обязательно должны быть паузы, чтобы переварить пережитое в обоих состояниях. Стабилизирующий ана-

лиз необходим для равновесия, иначе этот урок проходит как прочитанная книга, смысл которой ты не запомнил. Больше того: с книгой ты можешь себе это позволить, это твой выбор. Виденье сакрально! Ты обязан распаковать его, вынуть знание и преобразовать его в силу.

В саду я уберусь сегодня сам — люблю совершать действия и вспоминать сны. Так я не теряю нити. Так мне не сложно нанизывать новые подробности и выводы на вектор сознания.

—Мне нужна музыка! Даю добро на считывание моих биоритмов!

На месте строки текущих изменений появилась несимметричная синусоида.

—Шесть восьмых! Больше инфра низких, хочу чувствовать бас животом. Добавь синкопы! И ни одного знакомого сэмпла, мне не нужны ассоциации с воспоминаниями.

В голове заиграла музыка.

—Я же сказал животом! Как я буду чувствовать музыку животом, если она играет у меня в голове!

Воспроизведение переключилось на поверхности помещения. Особенно объёмно получалось у купола удаление звукового фронта, когда он в угоду мне менял свою конфигурацию, повторяя форму макушек крон перманентно подвижного сада.

—Отлично!

Силиконовый ритм неотвратимо вынудил меня копировать телом звуковую структуру композиции.

Да-а, для работы то что надо.

—Я не просил мне помогать!

В информационной строке появилась смущенная улыбка. А да, я же не уточнил, где конкретно нужен порядок.

—Верни обратно мусор в саду, как было. Мне нужны физические действия, имеющие утилитарный смысл.

На полу цвета уранового стекла снова появились опавшие листья и прочие производные жизнедеятельности флоры. Работы было немного. Поэтому я поднял первый лист, переложил его в левую руку и сразу погрузился в интересующий информационный узел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.